

ПРЕДИСЛОВИЕ

ДВОЕ МОИХ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

Серийные убийцы знают, что они невидимы.

РОБЕРТ Д. КЕППЕЛ,
следователь по уголовным делам

У меня проблема с женщинами.

РИЧАРД КОТТИНГЕМ,
убийца с Таймс-сквер

Я не являюсь профессиональным экспертом по серийным убийцам. Я никогда не был профайлером в ФБР, полицейским, криминалистом или криминальным психологом. Я не писал диссертаций о них и не интервьюировал серийных убийц в тюрьмах, даже не вел с ними переписки. Я никогда не покупал их рисунков или памятных вещей. Иными словами, я похож на вас: просто любопытный обыватель. Помимо чтения статей о серийных убийцах и просмотра передач о них по телевидению, моим единственным опытом взаимодействия с ними являются две короткие личные встречи с теми, кого позднее опознают и поймают. Вы можете решить, что *это* и отличает меня от вас, но не спешите с выводами.

В своих поездках по миру я случайно столкнулся с двумя известными «потрошителями»: Ричардом Коттингемом, Убийцей с Таймс-сквер, которого впослед-

ствии связали с пятью убийствами и расчленениями в Нью-Йорке и Нью-Джерси, и с Андреем Чикатило, Красным потрошителем, с которым мы встретились в России за несколько дней до того, как он совершил последние три из своих более чем пятидесяти убийств женщин, подростков и детей. В обоих случаях я узнал, с кем меня свела судьба, гораздо позднее. Наша встреча с Коттингемом была настолько же драматической, как с Чикатило — банальной и незапоминающейся.

С Ричардом Коттингемом я столкнулся буквально на десять секунд ранним субботним утром в декабре 1979 года в Нью-Йорке. Я работал помощником продюсера на съемках фильма в Торонто. Каждые несколько дней я летал в Нью-Йорк и доставлял пленку на проявку в лабораторию, расположенную близ Таймс-сквер. Это было целое мероприятие: мне надо было прилететь в Нью-Йорк с утра, быстро завезти пленку, а потом дожидаться, пока на следующий день мне ее отдадут.

Обычно я получал билет на самолет и конверт с наличными; предполагалось, что я сам позабочусь об отелях и питании. Обычно съемочные группы останавливаются в хороших отелях бизнес-класса — «Шератон», «Хилтон» и т. п., — и мне выдавали достаточно средств, чтобы я мог селиться и питаться в таких местах. Молодой, увлеченный панк-музыкой, я уже бывал в Нью-Йорке, приезжая с одним рюкзаком; мне случалось ночевать на полу в музыкальном клубе SVGB на Бауэри и перебиваться сыром и вином на открытиях галерей. Соответственно я предпочитал обходиться более скромными жилищами в своих командировках, а деньги тратить на клубы, пластинки, книги и электронику. Но в одной из таких поездок я зашел слишком далеко.

Из-за непредвиденной технической задержки в лаборатории мне пришлось остаться в Нью-Йорке на

весь уик-энд. Чтобы растянуть оставшуюся наличность на несколько дополнительных ночей, я решил перебраться в совсем убогую гостиницу. Рано утром в субботу я подошел к зданию на 42-й Западной улице, в двух кварталах от Хадсон-Ривер, близ обрушенных развалин Вестсайдской эстакады. Там предлагали номера со скидкой, но расположение отеля было крайне неудобным — поблизости ни станции метро, ни достопримечательностей, ни офисных зданий. Гостиница находилась в заброшенном в те времена районе вокруг Десятой авеню, заслуженно именовавшимся «Адской кухней». Она не годилась даже для наркоманов и проституток, собиравшихся в нескольких кварталах к западу, на участке, который тогда называли «сорок-двойкой» — неприглядном отрезке 42-й Западной улицы, где находились порнокиоски, клубы с живыми секс-шоу и магазины, торговавшие холодным оружием, занимавшие обе стороны проезжей части от Бродвея, вдоль автовокзала и до Восьмой и Девятой авеню. Несмотря на крайнюю дешевизну, отель показался мне довольно чистым и безопасным, к тому же от него можно было пешком дойти до лаборатории, где меня ждали на следующее утро.

Номер я не бронировал, и мне сказали подождать: я смогу заселиться через полчаса, потому что другие постояльцы выезжают. Я решил пока подняться и посмотреть, насколько там ужасно. Лифта пришлось ждать так долго, что я начал сердиться: его целую вечность держали на верхнем этаже. Наконец, он поехал вниз, и когда двери открылись, тот парень, что предположительно задержал лифт, вышел в холл. Он пошел прямо на меня со стеклянными, как у зомби, глазами, словно ничего не видел перед собой, и толкнул боком. Одновременно он задел мою ногу мешком или чемоданом — тогда я точно не понял. Я и сейчас не могу сказать, что именно он нес, и не могу описать,

что почувствовал в тот момент. Единственное, что мне запомнилось, это его лоб, блестящий от пота, и отвратительная стрижка — как щетина у швабры. Мне показалось, что ему чуть больше тридцати; у него были волосы песчаного цвета и бледное лицо офисного работника — кем он впоследствии и оказался (хотя другие свидетели утверждали, что кожа у него была «оливковой»). К тому моменту, когда двери лифта сомкнулись у меня за спиной, я уже напрочь о нем забыл.

Я поехал наверх, ткнув в случайную кнопку на панели. Выйдя на этаже, я сразу заметил слабый, но ощутимый запах паленого, хотя дыма не увидел, и подумал, что это просто въевшийся аромат самого отеля. В глаза мне не бросилось ничего особенно ужасного, но запах становился все сильнее, и в нем проявились ноты горелых волос или куриных перьев. Тогда я этого не знал, но именно так пахнет горящая человеческая плоть.

И тут мой взгляд привлекли мелкие темные хлопья какой-то жирной субстанции, кружащиеся в воздухе, как черные снежинки. Я поймал одну, и на моем пальце остался черный след. Коридор словно заволакивало туманом, а запах явственно указывал на пожар — словно горели дрова в дровяной печи. С лестницы до меня донеслись звуки какой-то суматохи, потом включилась сигнализация. Я поспешил назад в холл и оказался там как раз в тот момент, когда на улице напротив остановилась пожарная машина. Это, конечно, подпортило впечатление о гостинице (мягко говоря), и я немедленно решил поискать другой ночлег.

На следующее утро я прочел в газетах, что пожарные, приехавшие на вызов, обнаружили в номере тела двух убитых женщин, лежавшие на сдвоенной кровати, с которой начался пожар. Пожарный вытащил одну из них из задымленной комнаты, чтобы

попытаться сделать ей искусственное дыхание изо рта в рот, но увидел, что у нее нет головы и рук. Сначала он решил, что это манекен. Опытный спасатель, проработавший в пожарной службе Нью-Йорка пятнадцать лет, он потом говорил, что едва не дошел до того, чтобы обратиться за помощью с посттравматическим расстройством: «Я никогда не видел ничего подобного. И надеюсь не увидеть впредь»¹.

Одежда обеих убитых была сложена в аккуратные стопки в ванной, сверху стояли туфли на платформах. За исключением пятен на матрасах, в номере практически не осталось следов крови, отпечатков пальцев или других улик. Инструменты, которыми преступник расчленил трупы, он унес с собой. Помимо отрезанных голов и рук, на трупах имелись следы жестоких пыток: ожоги от сигарет, синяки и укусы на груди.

Тогда я не связал эту статью с человеком, толкнувшим меня у лифта. Я даже о нем не подумал. Каким-то образом мои блуждания по отелю среди хлопьев пепла, звуки сирены и зрелище пожарных машин на улице заставили меня его забыть. Я все понял, только когда Ричарда Коттингема арестовали и предъявили обвинение: пытки и убийства молодых женщин, преимущественно проституток, в Нью-Йорке и Нью-Джерси, включая двух жертв в отеле. Увидев фотографию в газете, я сразу его узнал: та же отвратительная стрижка и бледное лицо.

С тех пор меня преследовала мысль, что когда он вышел тем утром из лифта, то нес с собой руки и головы убитых. Убийца не стал бы рисковать и оставлять два обезглавленных трупа без присмотра в номере отеля, чтобы пойти выбросить отрубленные руки и головы, а потом вернуться и устроить поджог. Получается, именно этим грузом он задел мне по ноге, когда мы столкнулись в холле. (Правда, он мог сначала убить одну женщину, оставить ее тело в гостинице,

и привести другую; точно так же возможно, что он убил их вместе. Коттингем этого так и не рассказал.)

Ричард Фрэнсис Коттингем, тридцати четырех лет, как стало известно позже, был недавно разведенным отцом троих детей и жил в пригороде Нью-Джерси. Соседи описывали его как человека сдержанного и молчаливого, но любящего отца — он всегда ходил с детьми на охоту за сладостями на Хэллоуин. Сын служащего страховой компании, школьный спортсмен, Ричард всегда держался одиночкой и последние шестнадцать лет работал компьютерным оператором в страховой компании «Синий крест — Синий щит» на Третьей авеню в центре Манхэттена. Он считался надежным и ценным сотрудником. Предпочитал смены с 15:00 до 23:00 — видимо, чтобы убивать по ночам после работы или в выходные.

Головы и руки жертв из отеля на Таймс-сквер так и не были найдены, несмотря на то что полиция обыскала все дно реки на прилегающем участке. Одну из жертв удалось опознать по рентгеновским снимкам — ею оказалась Диди Гударзи, проститутка из Кувейта двадцати трех лет, мать четырехмесячного ребенка. Вторая жертва, в возрасте младше двадцати, так и осталась неопознанной.

Полгода спустя Коттингем убил и изувечил труп еще одной нью-йоркской проститутки, двадцатипятилетней Джин Мэри Энн Рейнер. Ее обнаружили в старинном, но пришедшем в упадок отеле «Севиля» на 29-й улице близ Мэдисон-авеню. На этот раз убийца отрезал жертве груди и положил их на изголовье кровати, прежде чем поджечь номер.

Коттингем предпочитал охотиться ближе к дому, в Нью-Джерси. Жертв он выбирал или на улицах Манхэттена, или в барах. Он предлагал им выпить или поужинать, а потом подсыпал «наркотик изнасилования» в их бокалы. Дальше завлекал или затаскивал по-

лубессознательную жертву к себе в машину и вез через реку в Нью-Джерси в дешевые мотели, стоящие вдоль дороги. Заносил в номер через задние двери, держал там и пытал в течение продолжительного времени. Те, кому повезло больше, приходили потом в себя в кювете или в комнате мотеля: они были голые, изнасилованные вагинально и анально, со страшными ранами и почти ничего не помнили из-за действия наркотика. Они оставались в живых потому, что Коттингем относился к особому типу серийного убийцы — *возбуждающегося от злости* или *садистического*. Коттингем получал удовольствие не от убийства, а от пыток жертвы. Ему было все равно, умрет она или выживет, когда пытка закончится — и если жертва умирает до того, как Коттингем получал удовлетворение, он продолжал измывательства над трупом. Закончив, он бросал жертву, словно мусор, не заботясь о том, оставляет ее мертвой или живой. Некоторым жертвам повезло выжить, но другим — нет.

Тело девятнадцатилетней Валери Энн Стрит обнаружили в мотеле «Хасбрук-Хайтс Кволити-Инн» в Нью-Джерси сотрудники службы уборки. Уборщица собралась пропылесосить под кроватью, но что-то мешало: она подняла матрас и увидела чудовищно изуродованный труп, засунутый под кровать. Руки жертвы были скованы за спиной наручниками, тело покрыто следами укусов и ударов ремнем. Валери Стрит скончалась от асфиксии; на рту у нее остались следы скотча. Скотч Коттингем забрал с собой после того, как убил девушку. А вот ключ от наручников он, похоже, потерял, потому что оставил их на трупе — фатальная ошибка, ведь на внутренней стороне полиция нашла отпечаток его пальца.

Одна из жертв не была проституткой. Труп Мэри Энн Карр, врача-рентгенолога двадцати шести лет, нашли под сетчатым забором на парковке того же мо-

теля в Нью-Джерси двумя годами ранее. У нее были порезы на груди и ногах, следы ударов тупым орудием, множественные укусы и синяки. На запястьях остались следы от наручников, а на рту — клейкой лентой. Этой же клейкой лентой ее и задушили.

Коттингема арестовали 22 мая 1980 года, спустя шесть месяцев после моей встречи с ним. Он похитил восемнадцатилетнюю Лесли Энн О'Делл, которая предлагала услуги проститутки на углу Лексингтон-авеню и 25-й улицы. Четырьмя днями ранее она приехала в Нью-Йорк на автобусе из штата Вашингтон и прямо на автовокзале попала в руки сутенеров. Коттингем напоил ее и до трех часов ночи рассказывал о своей работе и доме в пригороде. Дальше он предложил ей поехать с ним в Нью-Джерси, чтобы сбежать от сутенера. Лесли с благодарностью согласилась. Когда мост Джорджа Вашингтона остался позади, он угостил Лесли стейком в круглосуточном кафе. Он был вежливый, щедрый, обаятельный и хотел помочь. В какой-то момент она согласилась заняться с ним сексом за 100 долларов. На рассвете они заселились в тот же «Хасбрук-Хайтс Кволити Инн», где всего восемнадцать дней назад Коттингем оставил под кроватью труп жертвы. И никто его не узнал.

Сняв комнату, Коттингем подъехал к задним дверям мотеля, и они с девушкой вошли внутрь. Оставив ее одну, Коттингем вернулся к машине, сказав, что хочет припарковаться в другом месте. Из машины он принес пакет с бутылкой виски и атташе-кейс. Было около пяти часов утра.

Коттингем предложил сделать усталой спутнице массаж, и она охотно перекатилась со спины на живот. Придушив ее сзади, он вытащил из атташе нож и прижал ей к горлу, а руки сковал наручниками. Когда Лесли попыталась убедить Коттингема в том, что это лишнее, он начал ее пытать и едва не отку-

сил один сосок. По ее словам, он повторял: «Так тебе и надо! Другим досталось, достанется и тебе. Ты шлюха, и тебя надо наказать».

Обвинения, перечисленные в приговоре, который вынес Коттингему суд Нью-Джерси дают представление о том, как прошли последние четыре часа в жизни О'Делл:

Похищение, преднамеренное убийство, нападение с отягчающими обстоятельствами, нападение с угрозой оружием, сексуальное насилие с угрозой оружием (изнасилование), сексуальное насилие с угрозой оружием (содомия), сексуальное насилие с угрозой оружием (фелляция), хранение оружия, хранение запрещенных веществ, «Секобарбитал» и «Амобарбитал» или «Туинал», хранение запрещенных веществ — «Диазепам» или «Валиум».

Между эпизодами насилия, содомии, принудительного орального секса, побоями, укусами, порезами ножом и избиением кожаным ремнем Коттингем делал передышки, заботливо вытирая лицо жертвы прохладным мокрым полотенцем. А потом начинал снова. Крики боли, которые издавала О'Делл через кляп, услышал персонал, и без того перепуганный убийством, случившимся восемнадцать дней назад. Сотрудники вызвали полицию и стали стучать в номер, требуя, чтобы Коттингем открыл дверь. Тот собрал свои пыточные инструменты и вырвался из комнаты, но в холле его остановили прибывшие полицейские.

На этом Коттингему наступил конец. За преступления, совершенные на территории Нью-Джерси, он получил несколько сроков от шестидесяти до девяноста пяти лет, пожизненный приговор и двадцать пять лет лишения свободы и еще один срок минимум на тридцать лет. После чего был экстрадирован в Нью-